
РЕЦЕНЗИИ

УДК 325.3

DOI: 10.31249/hoc/2025.03.12

Нелаева Г.А. ^{*1}, Шахназарян М.Т. ^{*2}

К ВОПРОСУ О РЕПАТРИАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ[©]

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.:

ВАН БЕРГЕН Д. НЕУДОБНОЕ НАСЛЕДИЕ.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И РЕСТИТУЦИЯ

В НИДЕРЛАНДАХ И БЕЛЬГИИ. –

Амстердам : издательство амстердамского университета, 2021. – 352 с.

Поступила: 10.02.2025

Принята к печати: 30.04.2025

Для цитирования: *Нелаева Г.А., Шахназарян М.Т.* К вопросу о репатриации культурных ценностей колониальной эпохи [рец.] // Вестник культурологии. – 2025. – № 3(114). – С. 212–221. – DOI: 10.31249/hoc/2025.03.12 – Рецензия на кн.: *Ван Берген Д.* Неудобное наследие. Колониальные коллекции и реституция в Нидерландах и

^{*1} *Нелаева Галина Александровна* – кандидат политических наук, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия; g.a.nelaeva@utmn.ru

Nelaeva Galina Aleksandrovna – PhD in Political Science, Professor at the Department of International Relations and Regional Studies of the Tyumen State University, Tyumen, Russia; g.a.nelaeva@utmn.ru

^{*2} *Шахназарян Мария Тиграновна* – студентка направления «Зарубежное регионоведение» Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия; stud0000240263@utmn.ru

Shakhnazaryan Maria Tigranovna – Bachelor's Student in Foreign Regional Studies at the Tyumen State University, Tyumen, Russia; stud0000240263@utmn.ru

Бельгии. – Амстердам : Издательство амстердамского университета, 2021. – 352 с.

Nelaeva G.A., Shakhnazaryan M.T.

On the Question of Repatriation of Colonial Heritage.

Book Review:

Van Beurden, Jos. Inconvenient Heritage. Colonial Collections and Restitution in the Netherlands and Belgium. –

Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. – 352 p.

Received: 10.02.2025

Accepted: 30.04.2025

For quoting: Nelaeva G.A., Shakhnazaryan M.T. On the Question of Repatriation of Colonial Heritage [review] // Herald of Culturology. – 2025. – No.3(114). – P. 212–221. – DOI: 10.31249/hoc/2025.03.12 – Book Review: Van Beurden, Jos. Inconvenient Heritage. Colonial Collections and Restitution in the Netherlands and Belgium. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2021. – 352 p.

Вопрос репатриации культурных ценностей, похищенных нацистами в ходе войны давно стоит на повестке дня. Их возвращение после Второй мировой войны продвигалось с трудом, но, по крайней мере, не вызывало серьезных споров о необходимости [Кае, 2006]. Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954) и ее протоколы содержат нормы, касающиеся изъятия культурного наследия в вооруженном конфликте (как международного, так и немеждународного характера). Второй протокол Конвенции (1999) предписывает защиту культурного наследия на оккупированной территории. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (ЮНЕСКО, 1970) и Конвенция ЮНИДРУА по похищенным и незаконно вывезенным культурным ценностям (1995) содержат нормы, направленные на борьбу с незаконным оборотом культурных ценностей, однако в силу того, что эти международные соглашения не имеют обратной силы, ценности, похищенные в колониальную эпоху остаются, по сути, «в серой зоне», вне действия международных конвенций. Кроме того, некоторые бывшие колониальные державы долгое время не явля-

лись сторонами международных соглашений, опасаясь требований о репатриации ценностей со стороны бывших колоний¹.

Отметим, что колониального контекста, ООН еще в 1960 году осудила колониальный политический порядок как противоречащий Уставу ООН в «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» (14 декабря 1960, №1514), и уже в 1960-е годы начинают появляться первые запросы от государств, получивших независимость, о необходимости возвращения культурных ценностей, вывезенных в колониальную эпоху. Параллельно с этим развивается процесс признания на международном уровне прав коренных народов. Декларация ООН о правах коренных народов (2007) признает «право соблюдать, отправлять, развивать и передавать свои духовные и религиозные традиции, обычаи и обряды; право сохранять, охранять и посещать без постороннего присутствия свои места религиозного и культурного значения; право пользоваться и распоряжаться своими обрядовыми предметами и право хоронить на родине останки своих умерших» (ст. 12), что дает коренным народам правовую базу для требований о возвращении человеческих останков, хранящихся в музеях и лабораториях [Chechi, 2024]. Однако несмотря на наличие международно-правовых норм, регулирующих обращение с наследием, в отношении колониального наследия эти нормы малоприменимы. Во-первых, они не имеют обратной силы, во-вторых, многие страны не являются сторонами международных соглашений, и, в-третьих, случаи возвращения наследия являются сложными, включающими в себя и государственных, и частных акторов, и невозможно предусмотреть, какие проблемы возникнут в каждой конкретной ситуации. Часто правовые нормы, напротив, служат оправданием отказа от репатриации наследия (например, законы, регулирующие целостность музейной коллекции, как в случае с Британским музеем). Таким образом, необходимо развивать более гибкие механизмы многостороннего взаимодействия, которое включало бы в себя не только министров иностранных дел или министров культуры и директоров музеев, но и частных коллекционеров, пред-

¹ Италия присоединилась к Конвенции ЮНЕСКО в 1978 году, Португалия и Испания в 1986 году, Франция в 1997 году, Великобритания в 2002 году, Дания и Швеция в 2003 году, Германия в 2007 году, Бельгия и Нидерланды в 2009 году.

ставителей общин коренных народов, потомков потерпевших и т.д. [Stahn, 2023].

В последние годы в рамках «критических исследований наследия» (Critical Heritage Studies) появляются труды авторов, задающих вопросами, что именно должна включать в себя «деколонизация наследия», что входит в понятие «культурное наследие», которое необходимо «деколонизировать»? [Gentry, Smith, 2019]. Какова роль работников искусства и культуры в этом процессе? Какие пути репрезентации колониального наследия являются наиболее корректными и приемлемыми для разных акторов? Возможно ли в процессе «деколонизации наследия» отойти от европоцентристских категорий, классификаций и правовых норм? Как убедительно показывает австрийский исследователь Себастьян Шпитра, сама идея «администрирования» наследия путем правовых норм является европейской. В монографии, вышедшей в 2021 году в Баден-Бадене, он прослеживает правовой дискурс в отношении наследия со времен Французской революции, в Межвоенный период и период после Второй мировой войны, когда начинаются дебаты о репатриации колониального наследия в ООН [Spitra, 2021]. Сама идея необходимости сохранения наследия неразрывно связана с понятием «цивилизации», «цивилизованности» и, соответственно, приписывалась исключительно европейским странам. Эти же идеи использовались и для легитимации присвоения произведений искусства у неевропейских народов. Однако в период антиколониальной борьбы неевропейские народы активно использовали правовые термины европейцев для обоснования требований возвращения наследия, рассматривая его как часть идентичности народа, как составную часть права человека на культуру.

Подробнее нам хотелось бы остановиться на книге голландского исследователя Джоса Ван Бергена «Неудобное наследие. Колониальные коллекции и реституция в Нидерландах и Бельгии». Используя фотографии, личные истории, интервью с представителями министерства культуры и музейными работниками обеих стран, он прослеживает процесс возвращения наследия начиная с 1970-х годов. Автор берет две страны в качестве кейсов, констатируя, что несмотря на смежное расположение и наличие общих страниц истории, страны плохо осведомлены о процессах репатриации наследия своих соседей. В книге поднимается несколько важных проблем: одна из них – установление происхождения предмета искусства. Конечно,

нередки ситуации, когда музеи не интересуются происхождением предметов из своих коллекций и не проводят исследований, чтобы это выяснить. Музеи утверждают, что лишь небольшая часть экспонатов была захвачена в качестве военных трофеев, однако точную цифру назвать не могут. Многие предметы были изготовлены специально на продажу (например, китайский фарфор), однако многие были захвачены путем принуждения, оказания давления на местных вождей или путем банального воровства [Spitka, 2021. Р. 38], и именно этот вопрос бывает очень сложно прояснить, так как требуются не только архивы (мемуары, отчеты и письма колониальной администрации), большая часть которых уничтожена, но и устная история, взаимодействие с общинами, откуда предметы были изъяты. Часто процесс установления происхождения произведения становится поиском иголки в стоге сена. Более того, даже если информация о нем известна, недоверие местных народов к белым завоевателям было настолько всеобъемлющим, что сведения, полученные при приобретении предмета, нужно воспринимать с долей скептицизма [Р. 63].

Автор упоминает и отсутствие доверия между сторонами: принимающая сторона подозревает передающую сторону (и не без оснований) в том, что возвращаются лишь малоценные, ненужные предметы, от которых европейская страна стремится избавиться. Приводится пример музея Нусантара в Делфте (Голландия), который закрылся из-за финансовых трудностей в 2013 году, и перед закрытием пытался избавиться от своих экспонатов, раздавая их по другим музеям и предлагая Индонезии. Индонезия, впрочем, не была обрадована подобным предложением, тем более что за перевозку и страховку предметов должна была платить она [Р. 146]. В итоге большая часть предметов этой коллекции оказалась в Южной Корее, в Азиатском культурном центре, так как Южная Корея согласилась оплатить транспортировку [Р. 156]. Автор приводит и обратные примеры: когда страна требует вернуть некие ценные предметы (например, в случае Индонезии это меч индонезийского лидера Дипонегоро), но предмет оказывается «утрачен» или доподлинно неизвестно, тот ли это меч и действительно ли именно этот человек был его владельцем. Это говорит о возможной намеренной стратегии избежать передачи наиболее ценных экспонатов или затянуть процесс на неопределенное время. Подобные эпизоды снижают уровень доверия между сторонами и не способствуют сотрудничеству.

Огромное количество предметов содержатся в хранилищах, никогда не выставляются и не изучаются, и тем не менее, страны не торопятся их возвращать [Spitra, 2021. Р. 40]. Процесс возвращения ценностей, по мнению автора, начинается только в конце XX – начале XXI века, и то неохотно. В этот период усиливается роль неевропейских акторов в международных отношениях, многие страны (Китай, Южная Корея, Нигерия, Сенегал) начинают требовать возвращения культурных ценностей, строить новые музеи. И, конечно таких государств как Китай или Южная Корея, имеющих определенный вес на международной арене, есть гораздо больше шансов вернуть свое наследие. Лишь крупные бывшие колонии Нидерландов и Бельгии (Индонезия и ДРК) ведут активные переговоры о возвращении наследия, более мелкие страны (Бурунди, Руанда, Суринам) часто не получают должного внимания СМИ и общественности и не имеют серьезного влияния на политику репатриации наследия [Р. 81].

Большую роль в европейской политике в конце 1990–2000-е годы начинают играть неевропейские диаспоры, музейные работники и ученые неевропейского происхождения, для которых текущий опыт экспозиции колониальных ценностей является неприемлемым (в особой мере это касается человеческих останков). Однако случаи возвращения наследия, инициированные представителями диаспоры, широко освещаемые в СМИ и в социальных медиа, все же являются единичными и не позволяют говорить о некой слаженной европейской политике по возвращению наследия. Напротив, то обстоятельство, что большое количество переселенцев из бывших колоний проживает сейчас в метрополиях, позволяет музеям приводить довод о необходимости приобщения членов диаспоры к их культуре [Р. 44].

Немаловажным является и вопрос о необходимости сохранения некоторых предметов. Многие произведения, вывезенные из сельских общин, никогда не предназначались для публичной экспозиции, а имели определенное назначение. Как подчеркивает автор, общины, владевшие этими предметами, должны принимать решение об уничтожении наследия, если они считают, что некоторые предметы необходимо уничтожить и создать вместо них другие. Часто предметы символизируют духи умерших предков, и чтобы духи нашли успокоение, предметы необходимо уничтожить, вернуть их природе [Spitra, 2021. Р. 45].

Проблема возвращения культурного наследия, находящегося в частных коллекциях, является практически закрытой темой, информации о том, кто именно владеет определенными предметами, нет. Музеи не стремятся разглашать имена собственников коллекций, так как часто зависят от них в вопросах пополнения своих экспозиций. Таким образом, случаи возвращения культурного наследия, принадлежащего частным лицам, еще более малочисленны. Чаще всего предметы обнаруживаются на аукционах и в антикварных лавках, что еще больше затрудняет установление их происхождения.

Важным и малоизученным является и феномен «человеческих зоопарков», практика демонстрации повседневной жизни туземцев. «Человеческие зоопарки» организовывали регулярные показы жизни дикарей в Антверпене, Амстердаме и других городах. Некоторых участников привозили в Европу добровольно, но большинство было вывезено насильно. На колониальных выставках в Антверпене в 1885 и 1894 и в Тервюрене в 1897 годах были выставлены сотни конголезцев в искусственно созданных деревнях. Условия их проживания оставляли желать лучшего, многие умерли от болезней и были захоронены в братской могиле безымянными [Р. 72]. Одной из последних подобных выставок была выставка «Брюссель Экспо» в 1958 году, где в «конголезском павильоне» была представлена экспозиция из нескольких хижин и небольшого озера с лодками, и, конечно, из самих конголезцев. На выставке были также и конголезцы в качестве зрителей, будущая элита. Их пригласили в Бельгию, чтобы познакомить с традициями «цивилизованной европейской страны». Конголезские участники были возмущены подобным спектаклем и тем, как неуважительно зрители относились к живым «экспонатам», кидая в них бананы. Выставка «Брюссель Экспо», по мнению автора, стала поворотным моментом в борьбе конголезцев за независимость [Р. 74]. Тема «человеческих зоопарков» до сих пор является слабо изученной и забытой страницей европейской истории.

Автор подчеркивает, что с момента исторической речи Э. Макрона (2017) и отчета Сарр-Савой (2018) очень многое изменилось: многие европейские страны подтверждают свое намерение вернуть украденное наследие (хотя непосредственно случаи возвращения являются единичными). Франция вернула некоторые предметы Сенегалу, ведет переговоры по возвращению наследия в Кот-д'Ивуар, Бельгия разработала специальную политику возвращения предметов

в ДРК и т.д. Однако, как он с сожалением отмечает, эти инициативы пока нельзя назвать общеевропейскими. На уровне ЕС до сих пор отсутствует единая политика возвращения колониального наследия, страны, возвращающие наследие, предпочитают не выносить эту инициативу на общеевропейский уровень [Spitra, 2021. Р. 217].

Ван Берден раскрывает и объясняет значение термина «спорное культурное наследие». Он утверждает, что один и тот же объект может быть воспринят разными группами по-разному. Так, памятник культуры, принадлежавший эпохе колониализма, представителями одной культуры может быть воспринят как свидетельство их угнетающего прошлого, а другими – в качестве исторического упоминания об их прошлых завоеваниях. Автор указывает на такую проблему, возникшую с культурными объектами из Бенина в Нигерии. Исследователи и эксперты вели дискуссии о том, как правильно поступить в этом случае, поскольку репатриация объектов может затронуть чувства меньшинств, а также они сами могут быть не готовы к принятию данных памятников и надлежащей заботе о них. Именно поэтому в данном вопросе необходимо учитывать фактор разного восприятия.

Автор призывает создавать платформы для диалога между представителями культур, способных совместными усилиями решить, какие объекты нужно сохранять и какие действия предпринимать для реализации поставленной задачи. Здесь следует привести пример со спорными культурными памятниками Маори из Новой Зеландии, которые оказались в Нидерландах. Потомки требовали возвращения останков для изучения истории своих предков с целью сохранения культурных объектов. Для решения данного вопроса собрались эксперты из разных областей, представители двух стран и культур. Общими усилиями они пришли к определенным решениям: исторически важные объекты были возвращены, некоторые же объекты остались для дальнейшего изучения их точного происхождения.

Автор также упоминает случаи конфликтов, возникших на почве спорного наследия, которые могли даже превратиться в протесты. Данная проблема требует комплексного решения: исторического анализа, изучения культурных особенностей и совместной работы сразу нескольких экспертов из разных сфер. Так, автор упоминал о создании в последнее время множества платформ переговоров, где собирались все, считающие себя правообладателями или представи-

телями, чье слово должно иметь вес в данном вопросе. С помощью таких открытых дискуссий разные представители приходили к единому мнению и к компромиссным решениям в вопросе о спорном наследии. Проблема спорного наследия не только отрицательно влияет на стабильность межгосударственных и межкультурных отношений, но и наносит ущерб сохранению культурных объектов и передаче истории потомкам.

Книга представляет интерес для специалистов, занимающихся междисциплинарными исследованиями на пересечении международного права, культурологии и исторических исследований колониализма, несомненно вносит вклад в дискуссию о «репаративной» роли музеев [Sterling, Larkin, 2021] и культурных институтов общества в целом.

Список литературы

Chechi A. Repairing Historic Injustice: The Return of Indigenous Peoples' Ancestral Human Remains Through Transitional Justice // *International Journal of Cultural Property*. Published online 2024. – P. 1–20. – URL: <https://doi.org/10.1017/S0940739124000067>

Gentry K., Smith, L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-Twentieth Century Heritage Canon // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. – No. 25 (11), – P. 1148–1168. – URL: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1570964>

Kaye L.M. Avoidance and Resolution of Cultural Heritage Disputes: Recovery of Art Looted During the Holocaust // *Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution*. 2006. – No. 14 (2). – P. 243–268. – URL: <http://www.jstor.org/stable/26211230>

Spitra Sebastian M. 2021. Die Verwaltung von Kultur im Völkerrecht : Eine postkoloniale Geschichte. – Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2021. – 409 p. – URL: <https://doi.org/10.5771/9783845295145>

Stahn C. Confronting Colonial Objects. History, Legality and Access to Culture. – Oxford : OUP, 2023. 593 p.

Sterling C., Larkin J. Towards Reparative Museology // *Museums & Social Issues*. 2021. No. 15 (1–2). P. 1–3. – URL: <https://doi.org/10.1080/15596893.2021.2151728>

References

Chechi, A. Repairing Historic Injustice: The Return of Indigenous Peoples' Ancestral Human Remains Through Transitional Justice. In *International Journal of Cultural Property*. Published online 2024. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1017/S0940739124000067>

Gentry, K., Smith, L. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-Twentieth Century Heritage Canon. In *International Journal of Heritage Studies*, no. 25(11), 2019, pp. 1148–1168. URL: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1570964>

Kaye, L.M. Avoidance and Resolution of Cultural Heritage Disputes: Recovery of Art Looted During the Holocaust. In *Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution*, no. 14 (2), 2006, pp. 243–268. URL: <http://www.jstor.org/stable/26211230>

Spitra, Sebastian M. 2021. *Die Verwaltung von Kultur im Völkerrecht : Eine postkoloniale Geschichte*. Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft Publ., 2021. 409 p. URL: <https://doi.org/10.5771/9783845295145>

Stahn, C. *Confronting Colonial Objects. History, Legality and Access to Culture*. Oxford, OUP Publ., 2023. 593 p.

Sterling, C., Larkin, J. Towards Reparative Museology. In *Museums & Social Issues*, no. 15 (1–2), 2021, pp. 1–3. URL: <https://doi.org/10.1080/15596893.2021.2151728>